

Е. Андрущенко

ВЛАСТЕЛИН «ЧУЖОГО»:

текстология и проблемы поэтики
Д.С. Мережковского

Елена Анатольевна Андрущенко

Властелин «чужого».

Текстология и проблемы поэтики Д. С. Мережковского

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964640

*Андрущенко Е.А. Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. : Водолей; Москва; 2012
ISBN 978-5-91763-129-5*

Аннотация

Один из основателей русского символизма, поэт, критик, беллетрист, драматург, мыслитель Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) в полной мере может быть назван и выдающимся читателем. Высокая книжность в значительной степени инспирирует его творчество, а литературность, зависимость от «чужого слова» оказывается важнейшей чертой творческого мышления. Проявляясь в различных формах, она становится очевидной при изучении истории его текстов и их источников. В книге текстология и историко-литературный анализ представлены как взаимосвязанные стороны процесса осмысления поэтики Д.С. Мережковского, показаны возможности, которые текстология открывает перед

тем, кто стремится пройти путь от писательского замысла до его реализации, а иногда и восприятия читателем.

Содержание

Предварительные замечания, или «Сам себе текстолог»	5
Глава I	15
Конец ознакомительного фрагмента.	43

**Елена Анатольевна
Андрущенко
Властелин «чужого»:
текстология и
проблемы поэтики
Д.С. Мережковского**

**Предварительные замечания,
или «Сам себе текстолог»**

Эта книга посвящена текстологии и некоторым проблемам поэтики Д.С. Мережковского. Она была задумана в связи с теми особенностями его текстов, которые, по нашему мнению, обнаружились при подготовке произведений к публикации. Но в том споре о текстологии, который вели между собой ученые на протяжении последних пятидесяти лет XX в., вопрос подготовки к публикации был лишь частью обсуждаемых проблем. Об этом идет речь в книге А.Л. Гришунина «Исследовательские аспекты текстологии» (1998), в которой подчеркивались именно исследовательские возмож-

ности и понимание специфики этой части науки, которое по сей день разделяется не всеми, возможно, из-за общего снижения интереса к такого рода работе с текстом или, как он сам полагал, из-за «снижения филологической культуры»¹. Во всяком случае, в словах А. Рейтблата, писавшего о литературоведах, которые

«поглощены Гоголем и Достоевским, Булгаковым и Ахматовой, а то, что читается большей частью населения, презрительно именуется "чтивом", не заслуживающим траты времени и исследовательских усилий»,

– выражен упрек в «научном "снобизме"»:

«...разыгрываются целые дискуссии о том, чихнул или не чихнул Пушкин в том или ином месте, ставить или не ставить запятую при публикации его стихотворения, а издающиеся миллионными тиражами книги, вызывающие споры современников, отвечающие на их интеллектуальные и эстетические запросы, остаются вне исследовательского внимания»².

Думается, и произведения массовой литературы, и произведения литературы «высокой», и литература древняя, и медиевистика, и классика, оказываясь объектом исследова-

¹ Гришунин А.Л. Исследовательские аспекты текстологии. – М.: Наследие, 1998. С. 4.

² Рейтблат А. Русский извод массовой литературы: непрочитанная страница // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 405.

тельского внимания, могут быть лучше и вернее поняты, если их осмысление начинается с работы текстологической. И расстановка знаков препинания в стихотворениях Пушкина, и цензурные изъятия из произведений советской литературы, и источники акунинских текстов в таком смысле получают одинаковый статус.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ название известной когда-то телевизионной передачи, можно сказать, что каждый литературовед – «сам себе текстолог». Приступая к решению какой-либо научной задачи, он в том или ином объеме должен поначалу выполнить работу текстолога, если у него нет возможности воспользоваться результатами деятельности другого текстолога по изучению истории текста. И выполняет ее, не обязательно надеясь установленный и выверенный текст опубликовать. Так, например, задавшись целью осмыслить пьесу М. Горького «Васса Железнова», какой текст следует выбрать для анализа? Такие вопросы стоят и перед литературоведами, имеющими дело с «Записками охотника» И. Тургенева, текстами произведений И. Гончарова или Н. Лескова, не подвергавшимися проверке. Сколько ложных утверждений о Пушкине порождено «Записками А.О. Смирновой», опубликованными Л.Я. Гуревич и принятыми за подлинные³? Это стало понятно после выхода в свет выверенно-

³ Записки А.О. Смирновой (Из записных книжек. 1826–1845 гг.). СПб.: Изд. ред. «Северного вестника», 1895, ч. 1.

го текста, подготовленного С.В. Житомирской⁴. А ведь они вошли в статьи авторитетных специалистов по творчеству Пушкина, стали, так сказать, достоянием пушкиноведения. Одной из первых «жертв» ложных «Записок» был сам Д. Мережковский как автор важнейшей для его наследия статьи «Пушкин». Как быть с осмыслением наследия академика А.И. Белецкого и установлением места его трудов в истории литературы, если обнаружилась «Докладная записка о Воскресении Христовом», ему приписываемая? Когда деятельность литературоведа оторвана от работы текстолога,

«вся историческая и проблемно-теоретическая часть литературоведения не находит опоры в той конкретно-фактической и методической основе, которую могла бы предоставить ей текстология, если бы в полной мере проявлялись ее возможности»⁵.

Между тем, такой подход и сегодня не представляется бесспорным⁶, и в ушедшем веке вызывал немало возражений: напомним о дискуссиях 1950-х, 1960-х гг.⁷, вышедших впо-

⁴ Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. Изд. подг. С.В. Житомирская. М.: Наука, 1989 (Серия «Литературные памятники»).

⁵ Гришунин А.Л. Исследовательские аспекты текстологии. С. 3.

⁶ Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. [Отв. редактор И.В. Корниенко]. – М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2009.

⁷ Бухштаб Б.Я. Что такое текстология? // Русская литература. 1965. № 1; Лихачев Д.С. По поводу статьи Б.Я. Бухштаба // Русская литература. 1965. № 1; Б.Я. Бухштаб «О природе текстологии и проблеме выбора основного текста»; А.Л.

следствии работах С.А. Рейсера⁸ и уже в 1990-х гг. А.Л. Гришунина, который стремился провести мысль «о насущной необходимости неформального понимания задач текстологии и более широкой ее ориентации»⁹. Может быть, способствовать этому будет осмысление тех возможностей, которые открывает текстологическое прочтение текстов одного писателя. Как справедливо говорит М. Одесский, «в современной научной ситуации успех сочинения о текстологии обеспечивается не столько неординарным подходом к ее "аспектам", сколько примерами»¹⁰.

В нашем случае одна из проблем, связанных с пониманием задач текстологии, снимается – речь пойдет о текстах, подготовленных к печати и изданных. Не стремимся дать ответ на вопрос о самостоятельности текстологии как науки. Оставались открытыми и требовали осмысления проблемы атрибуции и датировки, состава и происхождения, освобождения от разного рода наслоений, характер изложе-

Гришунин. «К спорам о текстологии», Е.И. Прохоров. «Предмет, метод и объем текстологии как науки»; Д.С. Лихачев. «Ответ Б.Я. Бухштабу и Е.И. Прохорову» (Русская литература. 1965, № 3. С. 125–162); Прохоров Е.И. Текстология (Принципы издания классической литературы). – М.: Высшая школа, 1966 и др.

⁸ Рейсер С.А. Основы текстологии. Изд. 2. Уч. пособие для студ. пед. инст-в. – Л.: Просвещение, 1978.

⁹ См. как разница в понимании задач текстологии описана для студентов: О.Б. Волкоморова. Текстология: Учебно-методический комплекс для студентов специальности «Издательское дело и редактирование». – Тюмень, 2008.

¹⁰ Одесский М. Признания посвященного // Новое литературное обозрение. 1996. № 36.

ния и стиль, объяснение «темных» мест, имен, названий, фактов, установление источников книг Д.С. Мережковского. По-видимому, некоторые из принятых решений неточны, не окончательны и еще требуют корректировки в процессе дальнейшей работы исследователей над этими текстами. Некоторые проблемы так и остались открытыми. При всей необходимости такого исследования, оно все же предваряет изучение этих памятников как художественной целостности и немыслимо без последующего историко-литературного анализа. Нам думается, что существующий в сознании некоторых литературоведов стереотип, согласно которому текстологическое исследование – это вещь необязательная, техническая, без которой научное осмысление произведения может и обойтись, ошибочно. Такое литературоведение превращается в «интерпретационное», о кризисе которого и необходимости поисков новых подходов говорилось неоднократно. Мы стремимся представить текстологию и историко-литературный анализ как взаимосвязанные стороны процесса постижения особенностей поэтики писателя, продемонстрировать те плодотворные возможности, которые текстология открывает перед исследователем, стремящимся пройти путь от писательского замысла до его реализации, а иногда и восприятия читателем и, наконец, сделать некоторые выводы о том, о каком эстетическом явлении в случае с Д. Мережковским следует говорить. Источником его вдохновения была не действительность, не живые люди

с их страданиями, слабостями, поступками, а то, как все это пересоздано творческим воображением другого художника. М. Бахтин называл такой тип творчества подменой ценностного контекста литературно-материальным. Он писал, что в подобных случаях

«... творческий акт автора совершается сплошь в чисто литературном ценностном контексте, ни в чем не выходя за его пределы и сплошь во всех моментах только им осмысливаясь, здесь он ценностно рождается, здесь он и завершается, здесь он и умирает. Автор находит литературный язык, литературные формы – мир литературы и ничего больше, – здесь рождается его вдохновение, его творческий порыв создать новые комбинации-формы в этом литературном мире, не выходя за его пределы. Действительно, бывают произведения, замысленные, выношенные и рожденные в чисто литературном мире. <...> Автор преодолевает в своем творчестве чисто литературное сопротивление чисто литературных старых форм, навыков и традиций (что, бесспорно, имеет место), никогда не встречаясь с сопротивлением иного рода (познавательного-этического сопротивлением героя и его мира), причем его целью является создание новой литературной комбинации из чисто литературных же элементов.»¹¹.

Это наблюдение содержится в работе «Автор и герой в эс-

¹¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. С. 179–180.

тетической деятельности» и, конечно, М. Бахтин имел в виду не Д. Мережковского, а сам характер творческого акта, в котором доминирует литературность. Сопротивление литературных форм, которое преодолевает писатель, мыслящий в литературных координатах, он противопоставлял такому типу творения, когда художник борется с

«...познавательно-этической направленностью жизни и ее значимым жизненным упорством; здесь точка высшего напряжения творческого акта (для которого все остальное только средство), каждого художника в своем творчестве, если он значительно и серьезно является первым художником, то есть непосредственно сталкивается и борется с сырой познавательно-этической жизненной стихией, хаосом (стихией и хаосом с точки зрения эстетической), и только это столкновение высекает чисто художественную искру»¹².

Д. Мережковский столкновения с «сырой познавательно-этической жизненной стихией» избегает. Причины этого следует искать, видимо, в самом характере эпохи подведения итогов.

К таким выводам приводит текстологическое изучение ряда текстов писателя: статей, вошедших в «Вечные спутники» разных редакций, и не включенных в сборник, книги «Л. Толстой и Достоевский», пьес, отдельных публицистиче-

¹² Бахтин М. Эстетика словесного творчества. С. 181.

ских и литературно-критических статей, написанных до отъезда в эмиграцию, произведений, созданных в эмиграции: «Тайна Трех: Египет и Вавилон», «Тайна Запада. Атлантида – Европа», «Иисус Неизвестный». Авторитетные исследователи изучают другие стороны наследия Д. Мережковского – поэзию, публицистику, эмигрантскую прозу¹³ и пр. Полученные ими результаты не только существенно обогащают наши представления о творчестве Д. Мережковского, но и со всей очевидностью подтверждают тезис о его «вторичности», «книжном происхождении»¹⁴.

В процессе изучения текстов писателя пришлось, используя выражение Д.С. Лихачева, заглянуть «к автору и с парадного входа, и с черного», прочесть и осмыслить его «черно-

¹³ Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы. Вст. ст., сост., подг. текста и ком. К.А. Кумпан. – СПб.: Академический проект, 2000 (серия «Новая библиотека поэта»); Д.С. Мережковский. Царство Антихриста. Статьи периода эмиграции. Сост., ком. О.А. Коростелева и А.Н. Николюкина; послесл. О.А. Коростелева. – СПб.: РХГИ, 2001 (серия «Из архива русской эмиграции»); Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. Подг. текста, послесл. М. Ермолаева, ком. А. Архангельской, М. Ермолаева. – М.: Республика, 1995 (серия «Прошлое и настоящее»); Д. Мережковский. Собр. соч. Иисус Неизвестный. Послесл. В.Н. Жукова, подг. текста В.Н. Жукова и А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 1998; Д. Мережковский. Собр. соч. Данте. Наполеон. Сост. О.А. Коростелева и А.Н. Николюкина, вст. ст. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 2000; Мережковский Д.С. Данте. Томск: Водолей, 1997; Мережковский Д.С. Испанские мистики. Св. Тереза Авильская. Св. Иоанн Креста. Приложение: Маленькая Тереза. Под ред. и с предисл. Т. Пахмусс. Брюссель: Жизнь с Богом, 1988, и др.

¹⁴ Лавров А.В. Мережковский / Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М-П [Гл. ред. П.А. Николаев]. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1999. С. 26.

вики, не предназначавшиеся для чтения», а также проанализировать варианты его произведений¹⁵ и мн. др. В случае с Д. Мережковским это приводит иногда к уничтожающим результатам и, как он сам писал о И. Тургеневе, открывает «наготу покойника», что, конечно, означает нарушение «авторской воли», «намерений автора»: писатель вряд ли бы хотел, чтобы был обнаружен и предъявлен читателю, например, плагиат. Но «нарушение» воли писателя означает одновременно и утверждение ее, обнаружение «темных мест» и их истолкование, выявление изменений его мысли и этапов ее движения.

¹⁵ Лихачев Д.С. По поводу статьи Б.Я. Бухштаба. С. 86

Глава I

История текста

«Вечных спутников»

Книга «Вечные спутники» относится, вероятно, к наиболее известным, после исторических трилогий, созданиям Д. Мережковского. Исследователь, приступающий к ее изучению, оказывается перед необходимостью определиться, какой же текст он будет считать «Вечными спутниками» – тот ли, что издан в конце 1896 г., или тот, который вышел в свет в составе XVII–XVIII тт. Полного собрания сочинений писателя в 24 тт.¹⁶ А.Л. Гришунин отвечал на подобный вопрос следующим образом:

«В обычных случаях творческая воля писателя получает наиболее полное отражение в последних по времени творческих документах; в источниках, отражающих последний этап работы автора над произведением; в последней авторской рукописи; последнем прижизненном издании, в корректурах этого издания»¹⁷ (105).

Современные публикаторы этой книги не придерживаются-

¹⁶ Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: в 24 т. Т. XVII, XVIII. – М.: И.Д. Сытин, 1914.

¹⁷ Гришунин А.Л. Исследовательские аспекты текстологии. С. 105.

ся единого мнения. Так, М. Ермолаев опубликовал «Вечные спутники» в последней авторской редакции¹⁸, а М. Коренева, напротив, в первой¹⁹. М. Ермолаев, следуя авторской воле, представил читателю книгу в том составе, в каком хотел видеть писатель, готовивший последнее собрание своих сочинений. М. Коренева воспроизвела книгу такой, какой ее впервые прочли и полюбили читатели.

В некоторых современных изданиях целостность замысла этой книги вообще нарушена. С. Поварцов опубликовал часть глав из нее: «Акрополь», «Флобер», «Сервантес», «Достоевский», «Гончаров» и «Майков»²⁰, Т. Прокопов – статьи «Пушкин» и «Достоевский»²¹, а С. Данилов – статью «Пушкин»²². Вероятно, учитывая направленность тех серий, в которых выходили в свет эти издания, подобные решения и оправданы: они давали представление лишь об отдельных произведениях Д. Мережковского. Но в отношении к автор-

¹⁸ Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. Подг. текста, послесл. М. Ермолаева. – М.: Республика, 1995. (Серия «Прошлое и настоящее»).

¹⁹ Мережковский Д. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. Подг. текста и вст. ст. М. Кореневой. – М.: Азбука-классика, 2007.

²⁰ Мережковский Д. Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. Сост., авт. послесл. и ком. С.Н. Поварцов. – М.: Книжная палата, 1991.

²¹ Мережковский Д.С. Вечные спутники: Роман. Стихотворения. литературные портреты. Дневник. Сост., прим. Т.Ф. Прокопова, вст. ст. Н.М. Солнцевой. – М.: Школа-пресс, 1996.

²² Мережковский Д.С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. Сост. С.Я. Данилова. – М.: Советский писатель, 1991.

скому замыслу, который изложен в Предисловии к «Вечным спутникам», —

«За это соединение столь различных, по-видимому, чуждых друг другу, именно в одну семью, в одну галерею портретов, могут упрекнуть автора в отсутствии систематической связи. Но он питает надежду, что читателю мало-помалу откроется не внешняя, а субъективная внутренняя связь в самом я, в миросозерцании критика.»²³,

– такое расчленение представляется неоправданным.

Книгу разъединял при жизни писателя и М.В. Пирожков, который выпускал в свет статьи отдельными брошюрами: в 1906 г. – «Пушкин», в 1907 г. – «Акрополь, Дафнис и Хлоя», «Марк Аврелий, Плиний Младший», «Кальдерон, Сервантес», «Ибсен», а в 1908 г. – «Монтань, Флобер» и «Достоевский, Гончаров, Майков». Издателя не заботила целостность замысла «Вечных спутников», а книжки в мягком переплете, издаваемые довольно большим тиражом, выполняли одновременно и популяризаторскую роль, и коммерческую.

Перед нами тоже стояла задача определения состава текста, когда представилась возможность издать книгу в серии «Литературные памятники». Если следовать последней пуб-

²³ Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. Изд. подг. Е.А. Андрущенко. – М.: Наука, 2007. (Серия «Литературные памятники»). Далее страницы указываются в скобках по этому изданию.

ликации при жизни автора, то «Вечные спутники» нужно издавать в таком составе, в каком они вошли в XVII и XVIII тома последнего его прижизненного собрания сочинений. Но исходя из задач серии, ее целесообразнее было опубликовать в той редакции, в которой она и стала «памятником», т. е. книгой, завоевавшей всеобщую известность и занявшей свое место в истории литературы²⁴. Теперь, по прошествии времени, мне представляется именно это решение оправданным. Тем более, что история этого текста, претерпевавшего многочисленные переработки, свидетельствует о нарушении самим Д. Мережковским его, используя выражение Б. Томашевского, поэтической «системы».

Главные изменения текста он проводил, готовя к публикации первую редакцию книги, позднейшие же сделаны к 1914 г., когда сменились его приоритеты, задачи, а с ними – и состав «спутников». Установить причины этого можно в процессе изучения истории текста.

«Произведение создается не сразу. Его созданию предшествует длительная и сложная работа, в результате которой получается более или менее законченный *текст* произведения. Но и достигнув этой стадии завершенности своего труда, автор обыкновенно продолжает свою работу над произведением, и каждое новое издание дает обычно новую переработку как в деталях, так иногда и в целом. <...> Таким образом,

²⁴ Этого мнения придерживался ответственный редактор тома – А.В. Лавров.

с того момента, как мы приступаем к изучению истории текста, нам необходимо учесть его текучесть, постоянную изменчивость»²⁵.

Книга «Вечные спутники» в редакции 1896 г. состоит из предисловия и тринадцати статей. В 1899 г., затем в 1909 и 1910 гг.²⁶ она была переиздана без изменений по отношению к первому изданию. Включая «Вечные спутники» в XIII том Полного собрания сочинений в 17 тт., издаваемого М.О. Вольфом в 1911–1913 гг., Д. Мережковский отказался от статьи «Дафнис и Хлоя»: она была опубликована в составе VI т. этого собрания. В XVII–XVIII тома Полного собрания сочинений в 24 тт. (1914) «Вечные спутники» вошли в измененном составе – без статьи «Дафнис и Хлоя» и с тремя новыми статьями: «Трагедия целомудрия и сладострастия» (1899), «Тургенев» (1909) и «Гёте» (1913). Таким образом, при жизни писателя «Вечные спутники» имели несколько редакций.

Текст первой редакции книги складывался постепенно. Все статьи, составившие ее, кроме статьи «Ибсен», публиковались до этого в периодической печати. Установить это помогли библиографические своды произведений писателя, опубликованные до 1914 г. Они составлялись дважды. Один из них вошел в XXIV т. Полного собрания сочинений Д. Мережковского в 24 тт. и был подготовлен О.Я. Лариным.

²⁵ Томашевский Б. Писатель и книга. С. 69.

²⁶ В издательстве «Общественная польза», СПб

Этот свод значительно уступает венгеровской библиографии, помещенной в «Русской литературе XX века». Она свидетельствует о том, что первой из статей, затем вошедших в «Вечные спутники», была статья «Флобер в своих письмах» (1888), а к 1892 г. опубликовано большинство частей будущей книги. Ее замысел сложился, видимо, в 1893 г., — об этом писатель сообщал А.С. Суворину:

«Я знаю, что издание моих книг невыгодно, но я решаюсь все-таки обратиться к вам по следующим соображениям: 1) моя крит<ическая> проза идет лучше моих стихов, 2) Вы издаете книги и не очень выгодные, но все-таки хорошие, полезные для русской литературы, а я питаю надежды, что та книга, которую я хочу издать, бесполезна. Размером она будет в 14 или 15 печ<атных> листов. Ее название: "Критические портреты" ("Очерки всемирной литературы"). Содержание: 1) Марк Аврелий, 2) Кальдерон, 3) Сервантес (Дон-Кихот), 4) Монтень, 5) Флобер, 6) Ж.-Ж.Руссо, 7) Ибсен»²⁷.

Тогда в книгу должны были войти семь статей. В 1896 г. была опубликована статья «Пушкин» и в конце этого же года — «Вечные спутники». Книге предпосылалось Предисловие автора, в котором обосновывалось единство ее замысла.

Установление текста «Вечных спутников», анализ изменений, вносимых в статьи, составившие его, а также коммен-

²⁷ РГАЛИ, Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2630, лл. 10–11.

тарий, по нашему мнению, многое могут дать для понимания его специфики. В отношении Д. Мережковского это важно потому, что в процессе выявления, например, источников его текстов обнаруживаются особенности, способные вывести к пониманию самого характера его творческого мышления.

Статья «Акрополь», всегда занимающая в «Вечных спутниках» положение за Предисловием, впервые напечатана в газете «Наше время»²⁸. При ее включении в «Вечные спутники» Д. Мережковский провел существенную правку. Сличение первой публикации и текста, включенного в книгу, свидетельствует, что он шел путем изъятия ряда фрагментов, содержащих публицистические элементы, прямые обращения к читателю, самопризнания, которые общему строю статьи не вполне соответствовали. Во всяком случае, количественно они преобладали над описанием сокровищниц древности. Вот несколько характерных примеров:

«...Зайду, бывало, в поросший травой пустынный двор какого-нибудь замка вроде Боргелло. Взгляну на эти стены из диких, неотесанных камней, точно не людьми, а циклопами построенные, на голубое небо между стенами, на древние гербы, на рыцарское оружие и рядом на пожелтый мрамор античных статуй, прислушиваюсь к тысячелетней ненарушаемой тишине, — и дух захватывает от красоты, от величия.

²⁸ Наше время; 1893. № 32–34 под заглавием «Флоренция и Афины. (Путевые воспоминания)». Подсказано А.В. Лавровым.

Помню, я испытывал что-то подобное только в самом раннем детстве, когда, веря всеми силами души, молился и молился не о чем-нибудь определенном и земном, а просто высказывал Богу мою радость, благодарил его за то, что *Он есть* и еще за то, что Он сделал так, что я знаю, что Он есть. Наслаждение красотой – самая чистая молитва. В ней мы забываем свое самолюбие, страсти, муки и желание. Мы отрекаемся от нашего я. Вот почему истинное наслаждение красотой – великий нравственный подвиг. И не удивляйтесь, что я говорю это по поводу каких-то грубых стен средневекового замка, который – может быть, служил для жестокостей и насилия. Я в нем наслаждаюсь созерцанием человеческого могущества, величиим свободного духа» (760).

«Потом, когда я возвращался в нашу модную гостиницу «Albergo de la Pace» и садился за общий обеденный стол, так называемый «табльд'от», мне становилось гадко на душе и стыдно. В какое время мы живем, среди каких людей! Передо мной сидела немка из Берлина с одутловатым, красным и глупым лицом. Она говорила что-то мужу, звероподобному еврейскому банкиру, насквозь пропахшему экономической грошовой сигарой, и восторгалась Венерой Медической. Меня тошнило от этих восторгов. Тут же рядом сидели пять старых дев из Лондона; сухопарых, бескровных, рыжих и костлявых. Что за безобразие, что за скука и плоскость на лицах!» (760).

Во всех редакциях «Вечных спутников» статья «Акрополь» сохраняла свою «сильную» позицию в начале книги, хотя она и отличается от остальных ее частей. А.М. Скабичевский писал по поводу нее, как о курьезе:

«... в число великих писателей, тихих спутников г. Мережковского, попал вдруг и афинский Акрополь, так что оказывается, что Акрополь вовсе не пребывает в неподвижности близ Афин, а сопутствует г. Мережковскому в его земных скитаниях или покоится на полках его библиотеки рядом с М. Аврелием и Монтенем» (601).

А В.Д. Спасович – как о несоответствующей названию книги:

«Не всегда можно верить заглавиям книг; нельзя также вполне полагаться на предисловия. Книга г. Мережковского озаглавлена: «Вечные спутники – портреты из всемирной литературы», а уже первая статья в книге: *Акрополь* – недвижимость, предмет архитектурный, не могущий никому сопутствовать, и даже не многими лицами посещаемый» (641).

Статья «Дафнис и Хлоя» публиковалась в составе «Вечных спутников» до выхода в свет первого собрания сочинений писателя и помещалась за «Акрополем». Впервые она была напечатана в 1895 г. в издательстве М.М. Ледерле под заглавием «О символизме "Дафниса и Хлои"» как вступительная статья к переводу древнегреческого романа Лонга,

выполненного Д. Мережковским²⁹. В 1896 г. М.М. Ледерле переиздал брошюру без изменений. Затем она вошла в «Вечные спутники», позднее, в 1904 г. и 1907 г., была переиздана М.В. Пирожковым. В первом собрании сочинений писателя статья уже публиковалась в VI т., а в собрании сочинений в 24-х тт. – в XIX т. отдельно от «Вечных спутников».

Если для «Акрополя» «источником» текста были путевые впечатления писателя, то в «Дафнисе и Хлое» – его соображения как переводчика и историка литературы. Об этом свидетельствует характер тех фрагментов, которые требуют пояснений комментатора. В «Акрополе» это, в основном, названия достопримечательностей и произведений литературы и искусства, связанных с ними. В «Дафнисе и Хлое» комментарий нужен уже не «географический», а литературный. Д. Мережковский упоминает античные трагедии и события древности, им используются метонимии, требующие пояснений, например:

«... и через *Vita Nuova* Данте, через томные вздохи и слезы о Лауре, через сентиментальную идиллию *Новой Элоизы* переданы XIX веку.» (20).

В статье также цитируется текст, источник которого автор называет сам – «...из разговоров с Эккерманом». Речь идет об известной книге «Разговоры с Гёте, собранные Эккерма-

²⁹ Мережковский Д. О символизме «Дафниса и Хлои» // Дафнис и Хлоя. Древнегреческий роман Лонгуса. Пер. Д.С. Мережковского. СПб.: М.М. Ледерле, 1895. С. 5–12.

ном» многолетнего секретаря писателя. Она была известна русскому читателю лишь в немецком издании, пока в 1891 г. не вышла по-русски в сокращенном переводе Д.В. Аверкиева³⁰. Наш анализ свидетельствует, что это была важная книга для русских символистов, и ее рецепция в России рубежа веков еще требует своего изучения: В.М. Жирмунский в книге «Гёте и русская литература» упоминает перевод Д.В. Аверкиева лишь единожды. Для Д. Мережковского книга в этом переводе стала настольной. При решении вопроса о причинах изменения состава «Вечных спутников» и включения в последнюю редакцию статьи «Гёте» это обстоятельство следует учитывать.

Следующей статьей в «Вечных спутниках» была «Марк Аврелий». Впервые она увидела в свет в 1891 г.³¹ При включении ее в состав книги Д. Мережковский не внес изменений по сравнению с журнальной редакцией и впоследствии ее не перерабатывал. В 1907 г. «Марк Аврелий» вместе со статьей «Плиний Младший» печаталась М.В. Пирожковым отдельной брошюрой и включалась в оба полные собрания сочинений писателя.

Текст статьи ставит немало интересных вопросов. Один из них связан с первой главкой. В ней автор сообщает о кни-

³⁰ «Разговоры с Гёте, собранные Эккерманом» в пер. с нем. Д.В. Аверкиева. Ч. 1–2. – СПб.: изд. А.С. Суворина, 1891.

³¹ Труд. 1891. № 21. С. 249–266.

ге Э. Ренана «Marc Aurèle et la fin du monde antique»³², которая представляется ему одним «из самых блестящих характерных созданий его гения», а затем сопоставляет его исследования с трудами И. Тэна. Книга, о которой говорит писатель, вышла в свет в 1891 г. в издательстве Calmann Levy. Трудов И. Тэна он не упоминает, но по перечню имен —

«Он любит изображать темпераменты цельные, с избытком жизненной силы и воли, как Свифт, Рубенс, Бетховен, Наполеон.» (30) —

можно предположительно говорить о том, что имеются в виду «История английской литературы» (1863–1864), «Философия искусства» (1865), книга о Наполеоне³³ и др.

При обследовании архивов обнаружились подготовительные материалы к этой статье («Э. Ренан о Марке Аврелии»). В них также есть несколько подсказок, дающих возможность судить о тех исследованиях, к которым обращался автор при подготовке статьи. Это своего рода размышления по поводу прочитанного: в статью перенесено противопоставление Э. Ренана И. Тэну. Возможно, это черновой автограф фрагмента статьи, от включения которого в окончательный текст Д. Мережковский отказался. Приводим текст здесь и далее, по «верхнему слою» с сохранением авторской пунктуации.

«И.Тэн в исследовании политических начал

³² «Марк Аврелий и конец античного мира» (*фр.*)

³³ H. Taine. Les origines de la France contemporaine. Le régime moderne T. 1, livre I. Paris, 1891.

современной Франции ("Les origines de la France contemporaine") развенчивает одну из величайших попыток человеческого духа достигнуть счастья и свободы на земле. Как ни старается исследователь быть объективным и беспристрастным, нам ясно его личное отношение, мы чувствуем, что он хочет сказать нам: "вот до чего люди дошли, стремясь к свободе и равенству, вот что идеализировали прежние писатели под громким именем Великой Революции". Тэн – разрушитель социальной веры, веры в земную человеческую справедливость. Ренан – такой же скептик в другой области, в исследовании других начал ("Histoire des origines du Christianisme"). Характерно для нашего века, что два великих историка в исследовании двух начал, двух всемирных движений, возникших из идеалов земной и небесной справедливости, оба пришли к отрицательным выводам, оба отнимают у нас надежды, и разочаровывают верующих.

Что же дают они людям взамен прежней веры, которая помогала им жить? Великое счастье познания, утомляющее ум, а сердце..? Разрушители уверяют, что познание должно утолить и сердце. Если так, отчего же их самые искренние страницы проникнуты такою скорбью. Довольство знанием – это условное и официальное оправдание; скорбь – для посвященных, для избранных, для читателей, составляющих успех и популярность книги, – скорбь – самое дорогое, глубокое и заветное, что есть у Ренана и Тэна. Несмотря на внешнюю объективность и бесстрастие чувствуется у

каждого историка – свое вдохновение: у Тацита – негодование на человеческое рабство, у Гиббона и Бокля – вера в могущество знания, у Маколея – скорбь, безнадежность разочарование во всех идеалах человечества, во всех попытках достигнуть счастья на земле или на небесах. Начиная Тит-Ливием и кончая Моммсенем еще никогда история не внушала такого глубокого скорбного чувства. Единственное очарование, которое сохранило власть над сердцем этих неверующих, последняя тайна, которую не успел разложить их ум, Красота, Искусство, обаяние формы. Основания для выводов являются у них во всеоружии современной точной науки; в примечаниях, в ссылках, в цитатах царит неумолимый и бесстрашный дух исследования. Эти нижние этажи, гранитные незыблемые устои книги предназначены для полемики, для ученых, для специалистов; а текст, пламенные, страстные и разрушительные страницы ("тайный яд страницы знойной", как говорит Лермонтов) облечены в самую обаятельную, художественную форму, т. е. самую доступную для толпы. Эти страницы современной скорби и отчаяния в исследованиях политических и религиозных начал европейской цивилизации волнуют сердце женщин и молодых людей, сердце толпы.

У каждой эпохи есть свое отношение к прошлой истории человечества, свое понимание, свой глазомер, камертон, данный великими историками, которому подчиняется хор. Этот современный исторический камертон, преобладающее настроение умов при

созерцании прошлого установили Тэн и Ренан страницами разочарования и неверия.

Но как непохожи скорбные сомнения конца нашего века на радостные и торжествующие сомнения конца прошлого века, на самодовольную насмешливую улыбку Вольтера. Вольтер деист. Но в сущности деизм его так же холоден, как официальное государственное исповедание тогдашних католиков. Неверие порождало в нем радость, неверие порождает в лучших представителях нашего времени величайшую скорбь.

Еще в тридцатых годах А. Мюссэ выразил это чувство незаменимой потери, одиночества и безнадежности, которое пробуждается в душе современных людей утратой и невозможностью веры: "о Христос, да будет нам по крайней мере позволено плакать над этим холодным миром, который жил Твоею смертью и умрет без тебя!

О Боже мой, кто теперь возвратит ему жизнь? Ты воскресил его своею чистою кровью... Иисус, кто сделает то, что Ты сделал? Кто возвратит нам юность только рожденным и уже дряхлым?.. Люди чувствуют себя такими же старыми, как во дни Твоего пришествия. Мы так же страстно ждем, мы еще больше утратили. Во второй раз еще более мертвое и холодное, человечество, как Лазарь, простерто в своем гробу. Кто же вызовет нас из могилы?" ("Rolla").

В этой скорби великих современных поэтов-историков заключена все более безнадежная и неутолимая жажда веры, вопрос, на который никто не

может дать им ответа: "кто вызовет нас из могилы?"

Наука исключила из своей области все попытки проникнуть в Абсолютное, в Непознаваемое. Но тем самым она не исключила их из человеческой души, не могла уничтожить связи величайших нравственных вопросов о смысле жизни, об отношении к смерти – с областью Непознаваемого. Еще никогда ум наш не стоял так близко, так лицом к лицу без всяких покровов и преград с тайной человеческой судьбы и природы. Никто не заслонит нас от этого мрака, ничто не уничтожает и не дает успокоения! Тэн историк идеалов земной справедливости и свободы,

Ренан историк религиозных движений не могли в своих исследованиях не натолкнуться на эту глубокую связь всех великих основных вопросов с областью Непознаваемого. Тэн в "Истории английской литературы" делает попытку свести оригинальность гения на определенные влияния окружающей среды и расы; но когда он лицом к лицу встречается с гением, – он перестает разлагать, забывает свой научный тезис, из скептика делается мистиком и благоговеет перед тайной, заключенной в красоте. Ренан холодно и бесстрастно исследует развитие религиозного движения, но когда он встречается с великими проявлениями религиозного гения, он забывает объективность и восторгается, сердце его трепещет» (325–328).

Следующие главки вызывают больше затруднений для

комментирования. Д. Мережковский вводит читателя в эпоху Марка Аврелия, знакомит с его биографией, важнейшими событиями жизни. Он называет десятки имен, цитирует древних историков, рассказывает о «царстве философов» и нравах, царивших в обществе. Все это требует пояснений. Однако поиск источников подобных сведений результата не давал: в трудах древних историков не упоминаются приводимые детали, например, о том, что

«...Румеллий Плавт имел при своей особе двух *докторов мудрости* – Церана и Музония, – одного грека, другого этруска: их обязанность состояла в том, чтобы наставлениями освобождать душу вельможи от страха смерти. Как в наши дни перед кончиной призывают священника, так тогда призывали мудреца. Тразеа умирает, напутствуемый циником Деметрием. Кан Юлий шествует на казнь, сопровождаемый "своим философом"» (35).

Поиск источников привел к тексту книги Э. Ренана. Она подробно пересказана, из нее – и цитируемые слова древних Капитолина и Ульпиана, другие факты и детали. Однако высказываний Марка Аврелия, которые цитируются во II главке и далее в тексте статьи, в книге историка нет. Естественно предположить, что Д. Мережковский цитировал «Размышления» Марка Аврелия.

Перед комментатором стоит задача установить то издание, которым пользовался писатель и которое цитировал.

«Размышлений» на русском языке в 1890-е гг. не существовало, и он, вероятно, воспользовался тем французским изданием, которое было ему доступно. Анализ показал, что в статье использован французский свод «Размышлений»³⁴, не соответствующий современному научному изданию³⁵. Писатель не только цитирует «Размышления» Марка Аврелия, но и пользуется ими как источником для характеристики его интимной жизни или образа мыслей. В интерпретации записей философа Д. Мережковский прибегает к домыслу.

«Быть может, Фаустина любила мужа в то время, когда они еще жили во дворце Лориум или в затишье лесов виллы Ланувиум на последних отрогах Альбанских гор. Но любовь прошла, и философия наскучила молодой красивой женщине. Выдержки из Эпиктета возбуждали в ней тоску; спокойствие и кротость мужа раздражали ее, казались оскорбительными» (37).

Показательна рефлексия самого Д. Мережковского относительно подобного подхода к тексту:

«Если вы ищете в книге новых фактов, знаний, отпечатка исторической эпохи, поэзии или философской системы, то дневник Марка Аврелия даст вам немного. Это книга, более чем какая-либо другая, независима от условий места и времени, от всякой

³⁴ Pensées de Marc-Aurèle. Traduction nouvelle par J. Bartélémy. Paris, 1876.

³⁵ Марк Аврелий Антонин. Размышления. Изд. подг. А.И. Доватур, А.К. Гаврилов, Яан Унт. (2 изд. СПб.: Наука, 1994). (Серия «Литературные памятники»).

предвзятой системы, от требований литературного слога, от желания нравиться или открывать новые истины» (39).

Но если использовать ее так, как это делает автор статьи, т. е. отыскивая в ней «свои собственные, никому не высказанные мысли», тогда домысел оказывается уместным.

«Если же вы возьмете эту книгу в руки с искренней жаждой веры, с тревожной совестью и душой, взволнованной великими несмолкаемыми вопросами о долге, о смысле жизни и смерти, – дневник Марка Аврелия вас увлечет, покажется более близким и современным, чем многие создания вчерашних гениев. Вы почувствуете, что это – одна из тех бесконечно редких книг, которых сердцем не забываешь и о которых приходится вспоминать не в библиотеках, ученых кабинетах и аудиториях, а в жизни, среди страстей, искушений и нравственной борьбы. Эта книга – живая. Она может не произвести никакого впечатления, но, раз она затронула сердце, ее уже нельзя не любить» (40).

Эта декларация созвучна Предисловию к «Вечным спутникам» и объясняет способ работы Д. Мережковского с источниками, и не только к этой статье. Обратим внимание, что в статье «Марк Аврелий» их, в сущности, только два: научный труд об эпохе императора и его «Размышления», которые Д. Мережковский называет дневником. В «Марке Аврелии» автор находится как бы между двух текстов, зада-

ющих ему систему координат для собственных комментариев.

Статья «Плиний Младший», следующая за «Марком Аврелием», впервые была опубликована в 1895 г. под заглавием «Портрет из эпохи Траяна (Плиний Младший)»³⁶. Она вошла в книгу в первоначальной редакции, а ее название было унифицировано. Статья публиковалась М.В. Пирожковым в 1907 г. под одной обложкой со статьей «Марк Аврелий» и в составе «Вечных спутников» вошла в оба полные собрания сочинений. Пояснений, как и в предыдущей статье, требуют источники текста, а также эпитафия. В качестве него Д. Мережковский использовал фрагмент стихотворения А.С. Пушкина «К вельможе» (1830), который задавал тему статьи: «Так вихорь дел забыв для муз и неги праздной, / В тени порфирных бань и мраморных палат / Вельможи римские встречали свой закат...».

Поиск источников статьи «Плиний Младший» также оказывается затруднительным. Но, рассуждая по аналогии с предшествующей статьей, можно предположить, что их должно быть два. Один – труд историка, в котором освещается эпоха Плиния, другой – его дневник или записки. Как известно, памятником той эпохи являются «Письма Плиния Младшего», потому логично думать, что они и были одним из источников этой статьи. Тем более, в начале второй глав-

³⁶ Мережковский Д. Портрет из эпохи Траяна (Плиний Младший) // Труд. 1895. № 11. С. 36–64.

ки статьи Д. Мережковский говорит, что Плиний

«... нарисовал себя в своих письмах, как художники, которые оставляют потомству собственные портреты. Нельзя кончить этой книги, не полюбив автора, открывающего свое сердце с такою благородною простотою» (47).

Следовательно, предположение по аналогии оказалось справедливым. Русский перевод «Писем» в ту пору еще не был осуществлен, потому Д. Мережковский цитировал доступное ему французское издание³⁷. Что же касается научного труда, воспользоваться которым мог писатель, то таких было несколько. Если иметь в виду круг чтения писателя и его интересов, – а об этом предположительно могут свидетельствовать его черновые записи к статье «Марк Аврелий», приведенные выше, – следует поначалу проверить труды, названные им самим. Среди них – исследования Т. Моммзена, которому принадлежит, в частности, и «Этюд о Плинии Младшем», опубликованный по-французски в 1873 г.³⁸ Таким образом, здесь, как и в статье «Марк Аврелий», также два основных источника.

Однако обратим внимание, что и в эту статью писатель вводит цитаты из трудов почитаемого им Э. Ренана. Одна из них – из книги «Евангелия. Второе поклонение христи-

³⁷ Lettres de Pline le Jeune. Trad. par De Sacy: Nouvelle «édition revue et corrigée par Jule Pierrot. Paris. T. I, 1826. T. II, 1828.

³⁸ Mommsen Th. Etude sur Pline le Jeune. Trad. C. Morel. Paris, 1873.

анства», а вторая, — хоть он и называет ее как источник, —

«Эта провинция, — говорит Ренан (*Les Évangiles*), — до тех пор управлялась крайне небрежно проконсулами, сменявшимися ежегодно, сенаторами, выбиравшимися по жребию. Официальный римский культ приходил в упадок, со всех сторон теснимый туземными религиями... Христианская вера, пользуясь распушенностью чиновников, которым было поручено сдерживать ее, распространялась на свободе, пускала все более крепкие корни» (65), —

из того же труда о Марке Аврелии, который он использовал для предшествующей статьи. Возможно, он цитировал по памяти или воспользовался выпиской с ошибочным указанием источника.

Цитаты из «Писем Плиния Младшего» примыкают друг к другу вплотную, авторский комментарий к ним занимает гораздо меньше места, чем в «Марке Аврелии». Интерес к «Письмам» Д. Мережковский объясняет тем, что они

«...дают нам всего человека, как дневник, как жизнеописательный роман, как исповедь» (68).

Видимо, «Письма.» играли для автора «Вечных спутников» ту же роль, что и «Размышления» Марка Аврелия.

Статья «Кальдерон» во всех редакциях книги занимает положение вслед за статьей «Плиний Младший». Она впервые вышла в свет в 1891 г. под заглавием «Кальдерон в сво-

ей драме. "Поклонение Кресту"»³⁹. Как и предшествующие статьи, она переиздана М.В. Пирожковым отдельно, под одной обложкой со статьей «Сервантес», и вошла в оба собрания сочинений писателя. При включении статьи в «Вечные спутники» Д. Мережковский провел существенную правку, изменил название, чтобы оно соответствовало другим названиям в его книге, снял подзаголовки к главам статьи, которые содержались в журнальной публикации.

Статья начинается с описания торжеств, посвященных Кальдерону:

«25-го мая 1681 года, в Троицын день, на сценах всех главных городов старой Испании – Мадрида, Толедо, Гренады, в ознаменование торжественного праздника, по обычаю, давались аллегорические драмы на сюжеты из Священного Писания. Эти мистерии назывались *«autos sacramenteas»*. Каждый большой город избирал любимого поэта и заказывал к предстоящему празднику *auto*, что в Испании считалось величайшим триумфом и почестью для драматурга.» (69–70).

Творчество Кальдерона в России в последней четверти XIX в. было известно недостаточно. Первым изданием его пьес в русском переводе был том в серии «Библиотека европейских писателей и мыслителей», издаваемой

В.В. Чуйко. В своей статье Д. Мережковский пересказывает вступительную статью к этому изданию, а затем подроб-

³⁹ Труд. 1891. № 24. Т. XII. Окт. – Дек. С. 650–670.

но пересказывает и одну из пьес, «Поклонение Кресту», по этому же изданию⁴⁰. Обратим внимание, что и здесь он тяготеет к опоре на два источника: «научное» исследование и собственное произведение писателя, что в общем виде наминает характер источников к двум выше названным статьям. Видимо, мы имеем дело с тенденцией, которая требует проверки и подтверждения.

При подготовке статьи к публикации в составе «Вечных спутников» Д. Мережковский исключил шесть довольно объемных фрагментов статьи, которые, в основном, касались сопоставления драматургии Кальдерона с творчеством античных трагиков и Шекспира, например:

«...Несмотря на все глубокое различие, есть одна черта, которая сближает великого испанского драматурга с древнегреческими трагиками. Кальдерон столь же, как Эсхил и Софокл и отчасти Еврипид, близок своему народу, своему времени, толпе зрителей по умственному настроению, по нравственным идеалам и требованиям. Кальдерон и Софокл по преимуществу поэты национальные. Они – часть народа. Меж ними и толпою еще не успел произойти разрыв. Они понимают толпу так же, как толпа понимает их. Они не стремятся быть выше своих современников, делят с ними силу и слабость, веру и

⁴⁰ Кальдерон. Драматические произведения: Поклонение Кресту. Час от часу не легче. Алькад в Саламее. Библиотека европейских писателей и мыслителей, издаваемая В.В. Чуйко (Вторая серия. 1881. № 16. СПб., 1884).

предрассудки, добродетели и пороки. Беспредельность чувства и ограниченность знаний. Зато они не чувствуют себя такими одинокими, враждебными толпе непосвященных, такими оторванными от народа, как поэты более поздних цивилизаций. Эсхил так же наивно верит в сказания Гомера, в Олимпийских богов, как современная ему толпа древних афинян, смотревшая на «Евминид». Кальдерон так же наивно верит в чудеса средневековых легенд и могущество католических реликвий, как толпа испанцев XVII века, смотревшая на его драму "Поклонение Кресту". И тот, и другой, – дети толпы, они – воплощение народной души, они – голос народа. Национальность определяет и ограничивает их гений. В этом отношении Кальдерон ближе к греку Эсхилу, чем к Шекспиру, который был отделен от испанского драматурга только одним поколением. У Шекспира мы уже чувствуем ту безграничную свободу, которая составляет краеугольный камень современного искусства. Он вполне понимает толпу, но толпа понимает его только отчасти» (769).

В процессе сокращения также были изъяты фрагменты статьи, в которых, как и в «Акрополе», содержались прямые обращения к читателю:

«Перед тем, чтобы приступить к изложению пьесы, я предупреждаю, что если вы отнесетесь к ней с философской критикой и современным скептицизмом, пожалуй, все эти чудеса, сверхъестественные события, старинные символы покажутся вам странными, и

очарование исчезнет. Но, ради Бога, на одну минуту отрекитесь от ваших старых привычек мысли, не рассуждайте, не спорьте, чтобы показать умственное превосходство, не спрашивайте, "почему" и "как", приготовьтесь к самому невероятному, отдайтесь поэту, и если можно, поверьте всем его чудесам. Я введу вас в сумрак древнего католического собора. Прежде всего надо забыть насмешки Вольтера и "Логику" Милля, наших "трезвых" критиков 60-х годов, иначе вам будет скучно и вы ровно ничего не увидите. Закройте глаза, вздыхая странный, опьяняющий аромат этого экзотического цветка, этой средневековой чудовищной и прелестной мистерии.» (770).

В финале статьи Д. Мережковский цитирует высказывания двух критиков Кальдерона – Гёте и М. Каррьера. Речь идет о фрагменте из «Разговоров» в той части, где Гёте говорит о Шекспире и Кальдероне (запись от 25 декабря 1825 г.) и неточной цитате из книги М. Каррьера «Die Kunst im Zusammenhang der Kulturentwicklung u. Die Ideale der Menschheit»⁴¹.

Статья «Сервантес», следующая в «Вечных спутниках» за «Кальдероном», была впервые опубликована в «Северном вестнике» в 1889 г. под заглавием «Дон Кихот и Санчо Пан-

⁴¹ В рус. пер. под названием «Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы человечества». Т.4. Возрождение и реформация в образовании, искусстве и литературе. М., 1870. С. 338–339.

са»⁴². Впоследствии она переиздавалась М.В. Пирожковым и вошла в оба полные собрания сочинений Д. Мережковского. При включении ее в «Вечные спутники» писатель не проводил правки, однако изменил название. Текст статьи, на первый взгляд, не требовал специальных пояснений, необходимо лишь указать издание, по которому он цитировал текст романа, и «раскрыть» цитаты. Однако русский перевод «Дон Кихота» вышел в свет позднее, чем статья Д. Мережковского, а переводы на другие языки могли быть источником цитат только при обнаружении каких-либо подтверждений этого. Автор сам дает ключ к поискам:

«Как относился Сервантес к своему герою? Можно сказать с уверенностью, что не сознавал его громадного значения. Вот что говорит об этом замечательный знаток испанской литературы Луи Виардо в статье, предпосланной французскому переводу "Дон-Кихота".» (86).

Далее следует обширная цитата из статьи Л. Виардо. Поиски издания, которым воспользовался Д. Мережковский, дали возможность сделать несколько выводов. Перевод романа Сервантеса на французский язык, выполненный Л. Виардо, с его вступительным очерком выходил в свет дважды: I том в 1836 г., а второй – в 1838 г. (дата на обложке). Второе издание вышло в свет в 1869 г.⁴³ При обращении к

⁴² Северный вестник. 1889. Кн. VIII. С. 1–19 и кн. IX. С. 21–43.

⁴³ Viardo Louis [trad.]. Michel de Cervantés. L'ingénieux hidalgo Don Quichotte de

этому изданию обнаружилось, что вся первая часть статьи Д. Мережковского является подробным пересказом очерка Л. Виардо, предпосланного переводу романа, а остальные – пересказом и анализом «Дон Кихота» по тому же изданию. Таким образом, как и в «Кальдероне», он воспользовался двумя материалами – исследованием о Сервантесе и произведением писателя для выстраивания собственной концепции. Но если в «Кальдероне» он пересказал лишь часть биографического очерка, то в «Сервантесе» почти весь.

la Manche. Paris, 1836. Т. I; Т. 2, 1838. 2-е изд.: L'ingénieux hidalgo Don Quichotte de la Manche. Traduction De Louis Viardot, avec les dessins de Gustave Doré, gravés par H. Pissar. Paris, 1869. 2 vol.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.